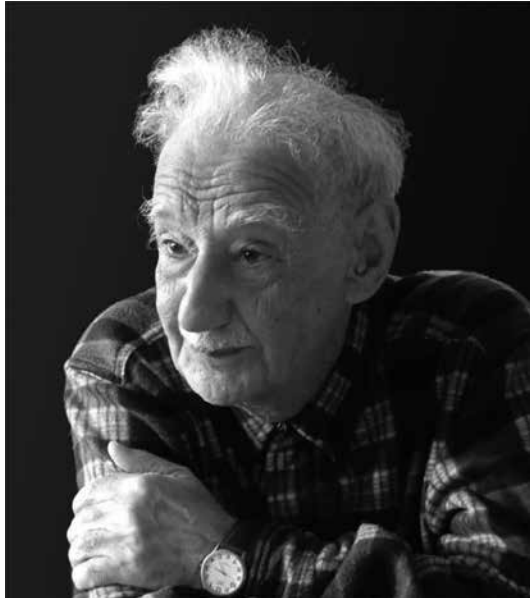

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ВИКТОР ЗАЛГАЛЛЕР

**ВОЙНА И МИР
ЛЕНИНГРАДСКОГО
МАТЕМАТИКА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АВРОРА»

ББК 63.3(2)6
В 47

ВИКТОР ЗАЛГАЛЛЕР. ВОЙНА И МИР ЛЕНИНГРАДСКОГО МАТЕМАТИКА. Сборник статей. — Санкт-Петербург: Издательство «АВРОРА», 2021. — 344 с., 127 илл.

Составители: Н. В. Глинка, А. А. Лодкин
Ответственный редактор: А. А. Лодкин

ISBN 978-5-7300-1037-6

25 декабря 2020 года Виктору Абрамовичу Залгаллеру исполнилось бы 100 лет. Его памяти посвящаем мы эту книгу.

Виктор родился в 1920 году в деревне Парфино Новгородской губернии в семье инженера Абрама Леонтьевича Залгаллера и адвоката Татьяны Марковны Шабад-Залгаллер. В 1922 году семья переехала в Ленинград. В 1931 году отец был репрессирован по 58-й статье и провёл в Воркутлаге 16 лет.

В 1937 году Виктор поступил на мат-мех Ленинградского университета. В самом начале Великой Отечественной войны записался добровольцем в народное ополчение и прошёл всю войну, его воспоминания легли в основу книги «Быт войны».

После войны В. А. Залгаллер вернулся на мат-мех, чтобы уже окончательно стать математиком. Окончив университет в 1948 году, он начал работу в Ленинградском отделении Математического института им. В. А. Стеклова — ЛОМИ.

В. А. Залгаллер был замечательным представителем ленинградской геометрической школы. О его математических трудах можно прочесть в написанной для этого сборника статье Ю. Д. Бурого. Велика роль В. А. Залгаллера в организации в 1960 году первой в стране специализированной физико-математической школы № 239. Некоторое время он преподавал в этой школе, создавал программы её курсов. Эти дела он называл своими главными делами, когда вспоминал события прожитой жизни в преддверии 90-летнего юбилея.

Яркий рассказчик, В. А. Залгаллер так же замечательно писал. Помимо книги «Быт войны», он оставил несколько очерков о своих знаменитых учителях и старших коллегах: И. П. Натансоне, Л. В. Канторовиче и А. Д. Александрове.

© Коллектив авторов, текст, 2021
© АО «Издательство «Аврора», 2021

ISBN 978-5-7300-1037-6

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Эта книга задумывалась как подарок замечательному человеку и ученому Виктору Абрамовичу Залгаллеру к 25 декабря 2020 года, дню его столетия. К большому сожалению, он не дождался этой замечательной даты чуть более двух месяцев. Тогда было решено значительно расширить первоначальный план — переиздать его военные воспоминания «Быт войны», получившие заслуженную известность.

Виктор Абрамович родился в 1920 году в деревне Парфино Новгородской губернии в семье инженера Абрама Леонтьевича Залгаллера и адвоката Татьяны Марковны Шабад-Залгаллер. В 1922 году семья переехала в Ленинград. В 1931 году отец был репрессирован по 58-й статье и провёл в Воркутлаге 16 лет.

К военным воспоминаниям мы добавили два очерка, дающих представление о судьбе его родителей в нелегкое довоенное время: воспоминания о репрессированном отце и яркий эпизод одного из процессов 37-го года, в котором мать В. А. Залгаллера была адвокатом.

Склонность к математике Виктор Залгаллер почувствовал еще в школе. Занимался в математическом кружке, был победителем одной из первых олимпиад. В 1937 году поступил на мат-мех Ленинградского университета. Война прервала его математическое образование: перед её началом, по призыву комсомола и считая, что стране в ту пору нужнее технические специалисты, в 1940 году Виктор Залгаллер перешел из университета в авиационный институт. В июле 1941 года записался добровольцем в народное ополчение и прошёл всю войну. Книга «Быт войны» это его военные воспоминания, увидевшие свет в 2004 году, стали событием. В них с непривычной откровенностью, без лакировки, по материалам собственных фронтовых писем воссозданы эпизоды войны, какой её видел простой сержант.

После войны В. А. Залгаллер вернулся на мат-мех, чтобы уже окончательно стать математиком. Окончив университет в 1948 году, он начал

работу в математическом институте — ЛОМИ. В молодости Виктору Залгаллеру было суждено встретиться с замечательными учеными, впоследствии завоевавшими мировую известность. Еще на студенческой скамье Виктор Абрамович воспринял дух и идеи этих и нескольких других выдающихся преподавателей, познакомился с талантливыми ровесниками. С Л. В. Канторовичем и А. Д. Александровым сотрудничал и сделал много хороших работ, которые его вывели на один уровень с первоклассными математиками. О математических трудах Залгаллера можно прочесть в написанной для этого сборника статье Ю. Д. Бураго.

Обладая, помимо математической, также инженерной подготовкой, а также имея вкус к практическим задачам и умение находить общий язык с не-математиками, Виктор Абрамович участвовал в решении многих задач для нужд промышленности, много консультировал инженеров. Порой эта работа была связана с глубокой математикой. Примером может служить задача рационального раскроя промышленных материалов, в которой на практике (на вагоностроительном заводе имени Егорова) внедрялись методы теории Л. В. Канторовича, созданной еще до войны и впоследствии оцененной Нобелевской премией.

Много лет Виктор Абрамович преподавал в Ленинградском университете. По общему мнению, он был выдающимся преподавателем с необычайной способностью просто, наглядно и убедительно объяснять самые сложные идеи. Многие поколения студентов вспоминают его как лучшего лектора на их курсах.

Пройдя войну и получив богатый жизненный опыт, а также имея природную общественную жилку, Виктор Залгаллер не мог проходить мимо многих непростых ситуаций, связанных с институтом, жизнью и бытом сотрудников, с вопросами образования. Его активная жизненная позиция не только благотворно отразилась на жизни коллег, но и оставила след, важный для последующих поколений. Яркий пример — его большая роль в организации в 1960 году первой в стране специализированной физико-математической школы № 239. Некоторое время он принимал

участие в преподавании в этой школе, создавал программы её курсов. Эти дела он называл своими главными делами, когда вспоминал события прожитой жизни в преддверии 90-летнего юбилея. Другим важным делом было участие в борьбе за сохранение за институтом исторических зданий на Фонтанке, знавших Пушкина, Батюшкова, Кипренского, Жуковского, Карамзина, декабристов. Очерк Залгаллера о судьбе этих двух зданий, составленный им на основе обширных литературных и архивных исследований, впервые публикуется в этой книге.

Яркий рассказчик, В. А. Залгаллер так же замечательно писал. Помимо упомянутой книги «Быт войны», он оставил несколько очерков о своих знаменитых учителях и старших коллегах: И. П. Натансоне, Л. В. Канторовиче и А. Д. Александрове, которые переиздаются в этом сборнике.

В него включены также воспоминания младших друзей и коллег об этом незабываемом человеке.

Н. В. Глинка, А. А. Лодкин

ВОЙНА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Поколение автора книги, — те, кому было 18-23 года в 1941-м, было выбито во время войны почти полностью, на их долю пришлось главные людские военные потери, и эти потери страна чувствует до сих пор. Чудовищная история того, как два тирана, пытаясь обмануть друг друга, изничтожили лучшие молодые силы своих и чужих стран, до сих пор не написана, во всяком случае — в России. И писать ее почти некому. Так называемая военная мемуарная литература советских времен и даже постсоветских времен — неоткровенна, и не только из-за цензурного гнета, она скрывает ту катастрофическую картину войны, особенно ее начала, блокады, плена, тыла, пира победителей и т.п., которую, даже по прошествии 60 лет, не решаются предать гласности большинство из тех, кто прошел эти испытания, знал их, или, тем более, нес хоть какую-нибудь ответственность за происходившее.

Перед читателем книга совсем другого сорта. Она написана предельно откровенно, без претензий на общность: это фактически личный дневник автора. В его рассказах и в рассказах его немногих оставшихся в живых сверстников меня больше всего поражало то, какое чудо было выжить молодым ополченцам, и сколько талантов погибло только из-за того, что власть трусливо бросила их, необученных, невооруженных в самое пекло, чтобы их жизнью заплатить за преступную неготовность страны к войне и за полный провал всего, что эта власть делала со страной.

Виктор Абрамович Залгаллер — человек особый, и книга «Быт войны» — еще одно доказательство этого. Он выразительно пишет о той своей военной жизни, о которой мы знали мало. Пройти страшную войну, вернуться в университет и стать одним из самых ярких математиков Ленинграда — было дано не многим. Его первая научная работа была опубликована еще в 1939 году, а последняя в 2003. Между этими датами было много теоретических и прикладных научных статей и книг. Две книги — совместны со

знаменитыми учеными, его учителями — лауреатом Госпремии А. Д. Александровым и Нобелевским лауреатом Л. В. Канторовичем.

До выхода на пенсию в возрасте 79 лет В. А. Залгаллер оставался одним из самых любимых студентами профессоров математико-механического факультета Университета.

Первокурсником я ходил в кружок, который он вел тогда в университете. И тогда я услышал его немного резкий и четкий голос, спокойно и понятно объясняющий и сложные, и простые вещи. Этот голос я слышу и сейчас, читая его книгу о войне.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

За прошедшие без малого двадцать лет после первого издания этой книги случилось 75-летие Победы, и много других дат. Но среди них особо надо выделить, наступившее столетие (25.12.2020) автора этой книги — Виктора Абрамовича Залгаллера. Эта дата символична, поскольку очень немногим непосредственным участникам войны, — поистине единицам, — удалось пройти сквозь годы лишений, трудностей, а главное, сквозь всю войну, и дожить до своего столетия.

В. А. Залгаллер написал замечательную книгу, которая, несомненно, останется редким исключением в тоннах текстов, написанных о войне, искаженных цензурой, политической ангажированностью или прямой недобросовестностью авторов. Мы видим, что правда о войне пробивается с трудом, её затаптывают конъюнктурщики, оседлавшие в своих сиюминутных мелких интересах саму победу, повторяя лживые сталинские объяснения причин катастрофы, — каковой была война, настигшая страну.

В. А. Залгаллер принадлежит к тем немногим авторам воспоминаний о войне, которым, удалось найти верный, гуманистический тон в своих военных описаниях, свободный от лжи, политиканства и подхалимства.

А. М. Вершик

*Президент Санкт-Петербургского математического общества,
профессор Санкт-Петербургского университета,
главный научный сотрудник Петербургского отделения
Математического института РАН*

БЫТ ВОЙНЫ

Моя мать, Татьяна Марковна Шабад-Залгаллер, сохранила переписку нашей семьи в 1941–1945 годах. На письмах стоит штамп о проверке военной цензурой. Иногда цензор вырезал или жирно замазывал тушью отдельную фразу — о голоде в Ленинграде или вшах в окопах. Была и внутренняя цензура: брат и я старались не огорчать мать. В 1972 году к комплекту сохраненных писем я добавил приводимые здесь воспоминания. В них ничто не придумано. Фамилии подлинные. Только характеристики субъективны. Так я видел быт войны. Позже я добавил слова о неутверждении наград летом 1942 года и внёс мелкие уточнения.

Часть 1 В ОПОЛЧЕНИИ

Примерно в декабре 1940 года по комсомольскому призыву часть студентов Ленинградского университета, математиков и физиков, перешли в Ленинградский авиационный институт, созданный на базе автодорожного.

Из студентов, пришедших с четвертого курса матмеха, составили две группы третьего курса. Учились мы по ускоренной программе. За декабрь 1940 и январь — май 1941 сдал за третий курс нового института.

В январе поженился с сокурсницей Ниной Виноградовой.

Война, несмотря на Испанию, была неожиданностью. В первые дни не знаем, куда себя деть.

На улицах много народа. Задерживают подозрительных.

Веня Железный. До странности тихий. Без родных. Живет в тупичке коридора — в коммунальной квартире за шкафом. Сильный шахматист.

Его задержала толпа, как шпиона. При нем оказалось несколько зачетных книжек на разные фамилии. Он прирабатывал сдачей экзаменов за других. Отпустили на следующий день. В блокаду он умер от голода.

В последние дни июня мы с другом Петей Костелянцем идем записываться в артучилище на Литейном. Заполняем документы. Их охотно берут. Четвертого июля, после выступления Сталина, записываются в ополчение. Записываемся и мы. Идти в артучилище мне кажется трусостью. А Костелянец сказал, что воевать надо уметь, и ушел в училище.

Сдали паспорта. Мы — ополченцы. Из авиационного института ушло около 400 человек. Идем строем в штатском. По тротуару идут жены. В строю из газетного кулька ем вкусную свежую сметану. Стоим в школе, левее Средней Рогатки.

Едим в столовой мяскокомбината. Вонь мяскокомбината стала первым запахом войны. Цветники. Ячневая каша. Из нас формируют артиллерийский полк.

Вечер. Мы лежим с женой в поле, недалеко от школы. Нам по 20 лет.

Отправка на фронт неожиданна. Обучение не состоялось. Выезжаем 13-го июля. Прибыли в Веймарн. Сразу бомбежка. Несмотря на большой грохот, убитых не помню. Из-под одного вагона выкинуло скат. Люди целы. Разгружаем снаряды. Пехотные полки уже раньше ушли в бой.

14 июля. Получили пушки. В батарее три орудия. Дождь. Первая ошибка: ящики снарядов сложили в низинке. Ее залило водой. Вытаскиваем. Марш к селу Среднему; его вчера взяли наши стрелковые полки. По дороге встретили обезумевшую санитарку, она кричит: «Все пропало!»

Первые позиции. Недалеко дурно пахнет. Кружатся мухи. Из земли торчат нос и губы плохо зарытого трупа. И нос и губы черные. Жарко. Обстрел. Что-то прилетело и закачалось на ветке — кусок человеческого кишечника.

Командир ушел на НП. По телефону. «Развернуть батарею. Бусоль 28». Старший на батарее — лейтенант запаса, пожилой рабочий

В.А. Залгаллер. Ноябрь 1941 г.

с мясокомбината, — не знает, как это делать. Ребята говорят, что бус-соль — это в чехле, вроде домры.

Вынимаем — большой компас. Он ввинчивается ножкой в пень. Все три расчета наводятся по своему усмотрению. У нас длинные, в 40 калибров, 76-миллиметровые орудия образца 1902/30 годов. По длинным стволам видно, что орудия не параллельны. Даем по выстрелу. На НП видят только разрывы моего орудия. (Не зря я любил геометрию). В первый день ведем стрельбу одним орудием. Благодарят.

Обжились. Мы — ЛАНО (Ленинградская Армия Народного Ополчения), полевая почта 145, 2-я СД (иначе 2 ДНО — 2-я «Москов-

ская» дивизия народного ополчения), 2-й АП (артиллерийский полк), 1-й дивизион, 2-я батарея. Пишем домой наивные письма. Получаем посылки.

Левее нас в поле стоит батарея кадровиков — 122-мм гаубицы. Они в касках, с плащпалатками. Часто и деловито стреляют. Завидуем им. Но иногда стреляем и мы. Я из заряжающего стал наводчиком. Благодарят за стрельбу по позициям у села Ивановское.

У артполка свои герои — из прибывшей раньше нас гаубичной батареи. Они сразу подбили танкетку. (Стояли, говорят, во ржи. Танк на них вышел. Навелись через ствол.)

В пехоте много потерь при неудачных попытках наступать.

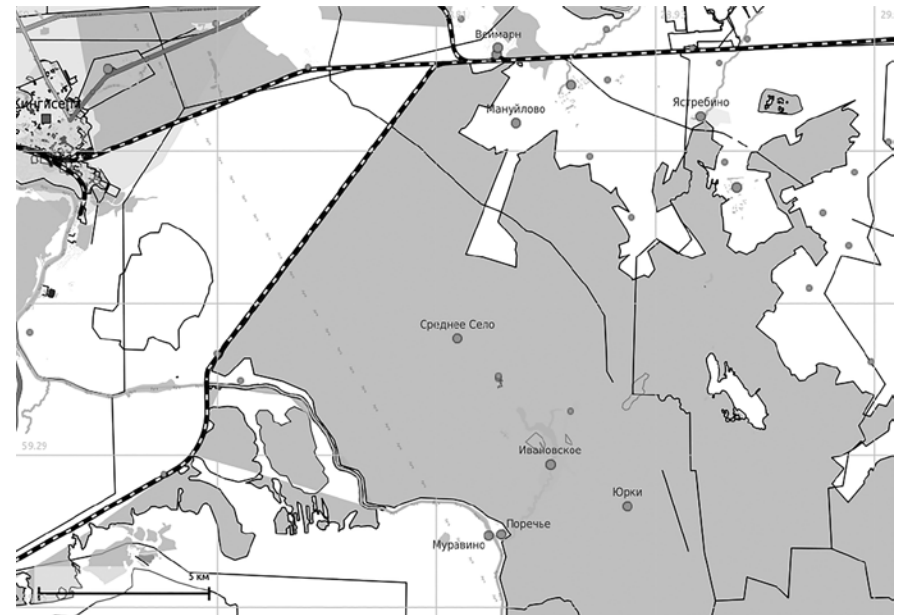
Саша Соколин. Студент нашей группы, мой друг. Хорошо стрелял, прирабатывал служащим в тире. Пулеметчик во 2 СП. Приехал в Веймарн

за день до меня. Много раз ходил в бой под Юрками. Был в разведке — немцы ходят по Ивановскому, как дома, ловят кур.

Ему 4 августа вырвало кусок ягодицы. Госпиталь, демобилизация. Приходил ко мне в часть 3 ноября. Отказался взять конину. Потом, в голод, она ему снилась. Уехал в Казань. Погрузился в засасывающую борьбу за существование — обмен сухарей, водки, изготовление босножек, погрузки за еду. В авиационном в Казани не доучился. Кончил университет, как и я, в 1948 году. Прикрывающийся цинизмом, ранимый книжник.

Фронт стоит по реке Луге (см. схему 1). От поречья до Ивановского у немцев плацдарм на нашем берегу. Дивизия много раз пытается брать Ивановское. Без успеха.

Схема 1

СЕМЬЯ И ДРУЗЬЯ

Виктор Залгаллер

МОЙ ОТЕЦ (16 лет в Ухтпечлаге)¹

Мой отец Залгаллер Абрам Леонтьевич (1882–1965) провел 16 лет в Ухтпечлаге — два года заключенным и четырнадцать лет «колонизованным» вольнонаемным.

Родился он в городе Бауске Курляндской губернии. Детство провел в Саратове.

Реальное училище окончил в 1902 году. Высшее образование получил в Германии в 1904–1911 гг. Окончил Дармштадтский политехнический институт по специальности инженер-механик. Работал в Санкт-Петербурге: в 1911 году инженером-конструктором, а в 1912–1918 годах на Авиационном заводе Слюсаренко (где был специалистом по моторам).

В 1918–1920 годах доброволец Красной Армии — телефонист в части, охранявшей железную дорогу. В 1920–1923 годах — инженер на фанерном заводе в Парфино, близ Старой Руссы. В 1923–1931 годах — в Ленинграде, прораб на сложных монтажных работах: подъем затонувших судов в порту, монтаж тяжелых станков на заводах, гигантских баков на Бадаевских складах, вешал маятник Фуко в Исаакиевском соборе.

Я родился в декабре 1920 года в Парфино, и уже с пяти лет отец показывал и объяснял мне производство на многих заводах. Видел я, когда мне было примерно восемь лет, и монтаж подвески маятника Фуко.

Кроме основной нагрузки в Промтехстрое он с мая 1930 года по март 1931 года по совместительству работал инженером вечерней смены на штамповочной фабрике польской концессии «Ян Серковский». В марте

¹ Ухтинско-Печорский исправительно-трудовой лагерь, УПИТЛг

1931 года отца арестовали, приговорили по статье 58-10 «за агитацию в пользу поляков» к пяти годам лагерей и отправили в Ухтпечлаг. Вместе с ним разделял арест и лагеря его сослуживец инженер Овсяник.

Мой отец был общительным и на редкость добрым и бескорыстным человеком. Еще в 1912–1917 годах у него была лошадь. Будучи заключенным, он на этапе от Архангельского порта до Чибью купил лошадь с телегой и подвозил ослабевших.

В лагере его очень скоро начали использовать как инженера-прораба. Он монтировал и перемещал буровые вышки. Летал с известным полярным летчиком Чухновским за бортмеханика. Организовывал перевозку особо тяжелых грузов... В конце 1932 года ему сообщили, что его дело пересмотрено, срок сокращен, но он колонизован, т.е. обязан остаться в системе Ухтпечлага на правах вольнонаемного инженера по техническому снабжению.

Летом 1934 года он был направлен в Архангельск для приема и погрузки на пароходы технических грузов. Сам Архангельск — на правом берегу

может быть нацелено оружие нашей советской власти. Неужели вы верите, что я, старый большевик, мог вредить нашей Родине? Неужели вы на самом деле так думаете? Правда, что я взялся за дело не по силам, недостаточно умел хозяйствовать, а помощи мне не было... Нет, я не враг народа, какой бы приговор вы не вынесли.

И он заплакал.

Примерно то же, но не с такой силой искренности, сказали в своих последних словах остальные.

Но когда поднялся оживленный, вихрастый, маленького роста подсудимый Ланг (сын профессора), он поразил всех, сообщив, что всякий раз продиктованные признания он размашисто подписывал словом «ложь», надеясь, что следователь не отличит это от его короткой фамилии.

Председательствующая начала лихорадочно перелистывать дело... Заявление подсудимого соответствовало истине!

По существу, следовало вновь возобновить следствие, чтобы проверить такой потрясающий факт, который опровергал все его признания и бросал тень на признания остальных. Но судья дотягивала дело из последних сил, и это заявление осталось не подхваченным ни судом, ни защитой.

Обжалование приговора тянулось до конца года. В начале 1939 года, вслед за отставкой Ежова, произошло послабление репрессий. Все семь обвиняемых по этому делу 23 февраля 1939 года вышли на свободу. Это были измученные, больные люди. Одному из них, бывшему капитану дальнего плавания, пришлось ампутировать обе ноги.

В. А. ЗАЛГАЛЛЕР О КОЛЛЕГАХ

ВОСПОМИНАНИЯ О МАТМЕХЕ И О ЛОМИ¹

Математикой я увлекся в начале 1935 года, когда школьный учитель послал меня в общегородской кружок, носивший громкое название «Научная станция для одаренных школьников». Вечерами раз в неделю мы часа три решали задачи, активно обсуждали приемы и идеи решений. Занятия вели аспиранты матмеха: геометрию — Вержбинский, алгебру — Цветков. Параллельно с занятиями давались «циклы» задач, которые запрещалось обсуждать с друзьями. Когда решишь цикл, сдаешь его и берешь следующий.

Большинству присланных из разных школ в кружке не понравилось, через год нас осталось человек 12. Не удивительно, что мы составили весной 1936 года большинство из 10 победителей городской олимпиады, проводившейся совместно по 9 и 10 классам. Победителям вручили портфели с учебниками, полезными на матмехе. И я осваивал анализ по французскому курсу Валле-Пуссена.

В начале 1937 года «станцию» влили в открывшийся Дворец пионеров. Здесь нашему кружку М. К. Гавурин читал теорию множеств. нас попросили не участвовать в олимпиаде 1937 года, сказав: «Вы уже завербованы в математику».

* * *

В университет меня приняли по аттестату с неожиданной «золотой каймой», дававшему право без экзаменов и собеседований поступить в любой вуз (медали и собеседования появились позже).

¹ Статья из книги «Матмех ЛГУ — СПбГУ. Шестидесятые и не только: от истоков до дней недавних. Сборник воспоминаний.» Под. ред. Д. Эпштейна, Я. Шапиро, С. Иванова.— СПб.: ООО «Копи-Р Групп», 2012.— 720 с.

Тогда матмех лишь несколько лет как отделился от физфака, и в 1937 г. резко увеличили прием. Нас приняли 215 человек, и на общих лекциях нас вмещала только большая аудитория, что за ботаническим садом во дворе главного здания на Неве. Группы математиков составили по выбору языка.

Учиться было очень интересно. Главным, нелегким для многих, предметом был анализ. На первой сессии к переэкзаменовкам, кроме консультаций, устроили добровольные занятия успевающих с отстающими.

Анализ нам читал Л. В. Канторович. Он для желающих создал кружок и его членам дал темы для докладов. Я сделал два доклада: излагал доказательство теоремы Хаусдорфа о невозможности в трехмерном пространстве ввести на *всех* множествах объем, сохранив его аддитивность и неизменность при движениях. Второй доклад был о теории вероятностей по книге Э. Бореля «Случай».

Общую астрономию нам интересно прочел В. А. Амбарцумян, ставший позднее президентом Армянской академии наук. А физику читал Гельман, лишь повторивший школьный курс.

По аналитической геометрии две лекции нам прочел Кулишер (тогда — директор НИИММ). Внезапно его арестовали, и курс продолжал А. Д. Александров. На втором курсе дифференциальную геометрию начал читать доцент В. И. Милинский. Его арестовали, и курс продолжил А. Д. Александров. На третьем курсе уравнения матфизики начал читать Н. С. Кошляков. Его арестовали, и курс довел чл.-корр. Н. М. Гюнтер. Механику нам прочитал Н. В. Розе. Его арестовали позже, в блокаду. Из арестованных живым вернулся только Кошляков. Он попал в «шарашку» и был после войны освобожден с наградой за научные достижения.

Наилучшим лектором из мною виденных был академик Владимир Иванович Смирнов. Он читал лекцию, светясь интересом к тому, о чем рассказывает. А в последние 10 минут, изменив тембр голоса, добавлял

к изложенному обязательному материалу массу глубоких дополнительных сведений. Кроме того, он поразительно помнил всех студентов курса, и, когда я вернулся с фронта, спрашивал об их судьбах, называя по фамилиям.

Физкультуру студенты не любили, считали потерей времени. Поддеывали справки о болезнях. Новый заведующий кафедрой физкультуры В. Мирошников ввел право каждого выбрать спортивную секцию. Остальным — лечебная гимнастика. Полюбили. Я выбрал гимнастику на снарядах.

Когда объявили, что не сдавших нормы на значок «Готов к труду и обороне» лишат стипендии, мы сдавали эти нормы друг за друга. Километр за меня бежал П. Костелянец, а я за него плыл. За полуслеплого студента, писавшего ректору просьбу освободить его от нормы по стрельбе, отстрелял А. Соколин и получил для этого студента значок «Ворошиловский стрелок».

Не знаю, можно ли было прожить на минимальную стипендию. Меня кормила мама. На стипендию, чуть больше минимальной, я позволял себе взять в буфете сосиску или котлетку с пюре и чай. Натуральный шницель был бы роскошью. Ходили в академическую столовую есть бесплатный хлеб с горчицей.

Мы стали прирабатывать погрузками. Грузили уголь, дрова, строительный мусор (последний грузить очень трудно), бидоны молока из холодильника.

Сильным оказывается тот курс, на котором сложится манера получать не только аудиторное, но «коридорное» образование. То есть говорить о математике и обсуждать проблемы в перерывах и после лекций. Таким был курс приема 1934 г. На втором курсе из бесед этих пятикурсников мы с П. Костелянцем почерпнули тему, по которой написали заметку. Она была представлена в ДАН и опубликована в 1939 году.

После войны темы работ возникали на научных семинарах. А иногда приходили со стороны.

аэродинамическую трубу. Валландер умер от инфаркта тут же, выйдя из кабинета.

Кончился праздник ректорства А. Д. Наступали более привычные чиновничьи будни.

20. Философские взгляды А. Д. Философией А. Д. увлекался с 1946 года. Меня поразило после его смерти в 1999 году обилие томов мировой философской литературы в его кабинете. Томов с множеством закладок. Он упорно работал.

Последовательно материалистические взгляды А. Д. на науку сформировались еще под влиянием В. А. Фока. А. Д. активно и смело защищал теорию относительности и квантовую механику от вульгарных материалистов типа А. А. Максимова. Взгляды А. Д. на взаимосвязи различных областей науки были широкими и глубокими. Когда готовилось второе издание БСЭ, обсуждались пробные статьи. В Москве (кажется, в Математическом Обществе) А. Д. выступил с тонкими замечаниями о пробной статье А. В. Колмогорова «Аксиома». Поддержки аудитории он не получил. Слушатели не хотели вникать в суть дела, а воспринимали это как петушиный наскок молодого Александра на «самого!» Колмогорова. И только сам Колмогоров позже сказал А. Д., что, благодаря его критике, он статью доработал, и она стала лучше.

Когда на Ученом Совете факультета некий Попов призвал к ограничению преподавания таких абстрактных дисциплин, как математическая логика, топология, функциональный анализ, то именно А. Д. дал ему резкий отпор. В те годы в США вышла книга Р. Куранта «Что такое математика?», вызывавшая методологические возражения. В математике назревала возможность событий типа сессии ВАСХНИЛ в биологии. По инициативе МИАНа было решено вместо обсуждения написать коллективную книгу «Математика, ее содержание, методы и значение». (Расчет был прост — пока пишем, многое может измениться.) А. Д. стал одним, притом наиболее активным, из трех ее научных редакторов. Мне довелось быть одним из двух рабочих редакторов. По-разному отнеслись

академики к поручению написать свои главы. Но написанные А. Д. главы «Общий взгляд на математику» и «Абстрактные пространства», а также написанная Мальцевым глава «Группы и другие алгебраические системы» были очень интересными. Изданию был придан политический характер: пробное издание (на правах рукописи) обсуждалось на многих семинарах под обязательную стенограмму. Вышла книга (в трех томах) в 1956 г., когда действительно многое изменилось. Главы этой книги переведены на многие языки, в частности — первая глава А. Д. только на английский язык переводилась трижды (раз в Англии и дважды в США, и тиражи этих переводов затем допечатывались).

Научная общественность склонна к образованию противоборствующих лагерей. На одном философском семинаре матмеха проф. Огородников произнес в адрес противника поразившую меня фразу: «А мы создадим общественное мнение и не будем слушать Ваших доводов». Подобные фразы были абсолютно невозможны в присутствии А. Д. Он всегда своими выступлениями направлял обсуждение на суть дела, игнорируя наличие лагерей. Это обрекало А. Д. на постоянную критику «справа» и «слева» по принципу «не с нами, значит против нас».

Полное игнорирование лагерей однажды подвело А. Д. Обычно, говоря по сути дела, он автоматически поддерживал более прогрессивный лагерь. Но один раз академик Б. М. Вул попросил его выступить в Москве перед физиками, не предупредив об обстановке ожидания «сессии ВАСХНИЛ» в физике. А. Д., предполагая, что говорит с заинтересованными специалистами, позволил себе высказать критику философских нюансов в изданном чл.-корр. С. М. Рытовым посмертном томе трудов академика Л. И. Мандельштама. Задел он и трактовку относительности у Я. И. Френкеля. Получилось, что он льет воду на мельницу гонителей Мандельштама. Сам А. Д. позже говорил, что его «подставили». Рытов через много лет отомстил А. Д., написав статью «Холодная зима 1953 г.», где представил А. Д. провоцирующим разгром физики. Некоторые физики заодно приписали А. Д. антисемитизм. Позже в Новосибирске деятели общества

«Память» аналогично приписали А. Д. сионизм за защиту Колмогорова, принявшего международную премию, присуждаемую в Израиле. Вот каково стоять выше двух лагерей и говорить по сути дела.

21. Отъезд в Новосибирск. Идеологически А. Д. принадлежал к той части русской интеллигенции, которая приняла Октябрьскую революцию. Подобно Маяковскому, который «с высот поэзии бросался в коммунизм», А. Д. принимал именно идеалы коммунизма. Он не стал чиновником, преданным за номенклатурные блага. Для последних он был лишь «попутчиком». Конфликт его с Горкомом был неизбежен, и он начался, когда секретарь Горкома Попов стал на путь травли ленинградской науки. А. Д. написал об этом в ЦК. А в это время Попова ввели в состав ЦК. Следствия не заставили себя ждать.

А. Д. говорил: «В университете более 12 тысяч человек. Значит, все свое — и таланты, и преступники, и неизбежные ЧП». Вот эти чрезвычайные происшествия стали каждое ставить в вину А. Д., накапливая компромат. Помню одно из таких ЧП. В мужском общежитии студентов из Африки возмутились тем, что по вечерам к ним не пускают девиц. Побили охрану и какого-то представителя администрации. А. Д. один пошел туда и решительным поведением пресек конфликт. Но именно его в этом ЧП и обвинили.

Назревал уход с ректорства не по собственному желанию. И чл.-корр. А. Д. Александров в 1963 г. принимает предложение стать академиком по Сибирскому отделению и переехать в первый в стране Академгородок в Новосибирск.

В Новосибирске А. Д. проработал более двадцати лет. Здесь он вновь создал большую научную школу, вновь вел партийную работу. И вновь ссорился с местным Обкомом и местными ретроградами. Но об этих годах пусть напишут его сибирские ученики.

КОЛЛЕГИ О В. А. ЗАЛГАЛЛЕРЕ

А. М. Вершик

О ВИКТОРЕ АБРАМОВИЧЕ ЗАЛГАЛЛЕРЕ

Так хотелось, чтобы В. А. встретил сам свое столетие, а мы бы радовались этому, хотя бы и чисто символическому, но редкому событию, — к сожалению, он не дожил до него всего нескольких месяцев. Он уже не услышит заслуженные похвалы в свой адрес, произносимые сейчас, хотя он всегда к ним относился безразлично. Однако их важно высказать для нас самих.

Его биография редкая и счастливая, что уже необычно в его поколении, и счастливой он делал её сам, хотя, конечно, судьба была щедра к нему.

Его математическая биография пересеклась с деятельностью двух выдающихся математиков XX века — А. Д. Александрова и Л. В. Канторовича. Он был их близким учеником и последователем.

Мне кажется, что будет правильным и адекватным сказать, что он был популяризатором их замечательных идей. Он глубоко проник в их идеи и с блеском своего собственного таланта продолжал их и популяризировал в широких математических кругах.

Его умение просто и увлекательно сказать о главном и нетривиальном запомнилось мне ещё с моего первого курса, когда я некоторое время ходил в его кружок. Вообще в его манере объяснять и говорить было

что-то от «кружковских» традиций, которые он сам в довоенное и послевоенное время и закладывал.

Уже с университетских лет я наблюдал его активную просветительскую деятельность в разных сферах — в школьной, учительской, студенческой и научной.

Он, — один из немногих учеников А. Д. Александрова, — вышел живым из страшной войны, пройдя её насквозь. Его редкая книга о войне («Быт войны»), второе издание которой он к сожалению, не увидит, это живой, человеческий разговор, который нечасто услышишь в невыносимой трескотне, заглушающей правду о войне.

Я неоднократно спорил с ним. Он был членом партии, и всеми силами старался пройти жизнь, не запятнав себя ложью, которую каждодневно доставляла нам советская действительность, и которую ему надо было бы оправдывать. Этот баланс ему удавалось сохранять, насколько возможно. Но я наблюдал, как подчас было тяжело переживать это ему самому.

Его обожали и ученики, и учителя. Он был легок в общении, и в разговоре, умел видеть главное в людях и всегда шел по жизни бодро. Однажды Л. В. Канторович, посмотрев, как В. А. плавает (он и сам был отменный пловец), спросил у него: «А есть ли что-нибудь, что Вы делаете плохо?». Таким он нам и запомнится — талантливым, легким и удачливым.

А. Вернер

БЫТ И РАБОТА ЛЕНИНГРАДСКИХ ГЕОМЕТРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (К столетию Виктора Абрамовича Залгаллера)

Мотивация. 25-го декабря этого года исполнится 100 лет со дня рождения Виктора Абрамовича Залгаллера. Он ленинградец, прошёл солдатом всю войну, последние годы живёт в Израиле. Математическое Общество Петербурга собирается отметить его столетие. Я знаком с Виктором Абрамовичем с 1954-го года, он многое сделал для моей семьи. И я хочу написать о своём общении с этим замечательным человеком, а первым словом для заглавия этих воспоминаний я взял слово БЫТ, перечитав ещё раз пронзительную книгу Виктора Абрамовича «БЫТ ВОЙНЫ».

Предисловие. Как я стал геометром. К моменту окончания школы в 1952-м году я твёрдо решил стать математиком и поступить на матмех. Но, несмотря на мои олимпиадные успехи и золотую медаль, на матмех ЛГУ им. А. А. Жданова меня не приняли, а после многих усилий моих и симпатизировавших мне математиков в конце октября 1952-го года я стал студентом физмата ЛГПИ им. А. И. Герцена. Анализ нам прекрасно читал Арон Григорьевич Пинскер, он организовал семинар студентов-первокурсников по недавно вышедшей тогда книге «Функциональный анализ в полуупорядоченных пространствах» (авторы — Л. В. Канторович, Б. З. Вулих, А. Г. Пинскер). Анализ меня увлекал, я сделал работу по этой тематике «О расширении структур», которая была премирована на Всесоюзном конкурсе студенческих работ, но летом 1954-го года кафедра математического анализа физмата была расформирована, а профессор А. Г. Пинскер покинул Герценовский институт. Я остался без руководителя. Тогда Илья Яковлевич Бакельман, в школьном математическом кружке которого я занимался во Дворце пионеров, и который уже у себя дома продолжал заниматься со своими кружковцами эти годы, сказал мне:

Сенькин. Так что я, студент 3-го курса физмата, оказался за одним столом с профессором, на кафедре которого позднее я был в аспирантуре, а Сенькина вскоре А. Д. перетащил на матмех.

Когда я работал на матмехе, то дома у Виктора Абрамовича у нас с ним было много деловых встреч, а из праздничных вспоминаю одну встречу Нового Года, где я был уже вместе с Ниной Николаевной. Геометрам она понравилась, а затем, когда мы жили уже просторно, Нина была радушной хозяйкой уже у нас в доме, где бывал и Виктор Абрамович.

Однажды, когда приезжал Николай Владимирович Ефимов, Виктор Абрамович собрал геометров. Был там и Александр Данилович. Это было после некоего совещания ректоров Университетов, и у А. Д. возник жаркий спор с Н.В. о роли и ответственности ректора Университета.

Недавно я спросил своих детей, помнят ли они Виктора Абрамовича, сначала сына, потом — дочку. Сын сказал: «Виктор Абрамович непременно находился в хорошем настроении — улыбающийся, с яркими сверкающими глазами. Он всегда был, как теперь говорит молодёжь, «на позитиве»». Примерно так же сказала и дочка.

А я видел иногда Виктора Абрамовича грустным. Например, ему бывало грустно, когда кто-то не понимает простых вещей, будь то студент или профессор. И последний мой разговор с ним был грустным. Мы шли с поминок после похорон Александра Даниловича в конце июля 1999 года. Виктор Абрамович сказал мне: «Алёша, я уезжаю в Израиль. Я не хочу уезжать, но у меня на руках больные жена и дочь. Я здесь не могу обеспечить им лечение, а там за ними будет уход». Сейчас их обеих уже нет.

Но сегодня я по интернету посмотрел его поздравление 239-й школе в день её пятидесятилетия (а Виктору Абрамовичу Залгаллеру тогда было девяносто). Он был «на позитиве». Надеюсь, что он такой же и сейчас, и сохранит этот позитив ещё долго-долго.

Ленинградский блокадник — защитнику Ленинграда.

Август 2020 г.

Ю. Д. Бураго

В. А. ЗАЛГАЛЛЕР И ЕГО ГЕОМЕТРИЯ

Круг интересов выдающегося учёного В. А. Залгаллера (кратко В. А.) был очень разнообразен. Он геометр, специалист по рациональному раскрою материалов, прикладной математик, а также писатель и многое другое. Только научных работ им написано более 90 (из них 9 монографий). В геометрии основными направлениями исследований В. А. были: теория выпуклых тел, теория выпуклых поверхностей, внутренняя геометрия нерегулярных поверхностей, многогранники и экстремальные задачи. Вероятно, столь же важными в его исследованиях были прикладные задачи, в первую очередь методы рационального раскроя материалов. Я не буду здесь писать о последних работах (инициированных нобелевским лауреатом Л. В. Канторовичем). Но этими направлениями отнюдь не исчерпывается математика В. А. Вот названия нескольких его статей, теоретических и прикладных, дающих некоторое представление о широте и разнообразии интересов В. А.:

- К задаче о плавающем цилиндре, 1939 (совм. с П. Костелянцем)
- Об одном необходимом признаке плотнейшего расположения фигур, 1953
- Приближенный раскрой витых пружин переменной жесткости, 1954
- Об одном способе введения меры, 1957
- О подстановке корня одного ряда в другой, 1957
- Притяжение круглых пластин, облучение круглой мишени круглым источником, 1958
- Как выйти из леса? (Об одной задаче Белманна), 1961
- О нахождении разверток листов наружной обшивки корабля на вычислительной машине, 1963
- Расчет формы линзовой антенны, 1965 (совм. с В. Н. Соболевым)
- О вращении одной фигуры в другую, 1971

изометрические вложения полиэдральных метрик в виде многогранников основывались на найденной В. А. специальной триангуляции абстрактного полиэдра на остроугольные треугольники.

Очень специальная триангуляция потребовалась В. А. и была им осуществлена в совместной с А. Сольниным работе. Пойа и Сеге в 1951 году выдвинули гипотезу, что среди всех n -угольников фиксированной площади правильный n -угольник (и только он) имеет минимальную логарифмическую емкость. И только в 2004 эта гипотеза была доказана А. Сольниным и В. А. Их доказательство красиво и не просто. Оно состоит из двух частей, геометрической и аналитической, и как раз первая принадлежит В. А. Он построил специальную триангуляцию n -угольника, именно, он покрыл многоугольник треугольниками с неперекрывающимися соседними секторами так, отношения a_k к площади T_k не зависят от k . Здесь a_k — угол треугольника T_k напротив стороны A_{k+1} многоугольника.

Это технически очень сложная конструкция. Этот результат был опубликован в *Annals of Mathematics: A. Solynin, V. Zalgaller, An isoperimetric inequality for logarithmic capacity of polygons, Ann. Math, 159 (2004), 277-303.*

Позднее В. А. и его соавтор получили новый результат: *A. Solynin, V. Zalgaller, The inradius, the first eigenvalue and the torsional rigidity of curvilinear polygons, Bull. London Math. Society, v. 42, part 5, 2010, 765-783.*

Ю. Г. Решетняк

ОБ УЧЕНИКАХ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА АЛЕКСАНДРОВА В ЛЕНИНГРАДЕ И ИЗ ДРУГИХ ГОРОДОВ. ИСКОРКИ ПАМЯТИ¹

В. А. Залгаллер. Осенью 1946-го и весной 1947-го года Виктор Абрамович Залгаллер был руководителем математического кружка при ленинградском Дворце пионеров (потом его заменил И. Я. Бакельман). Я сейчас не могу вспомнить имена всех участников этого кружка. Но я хорошо помню, что, кроме меня, там были еще Михаил Соломяк и Гаральд Натансон. Занятия математического кружка под руководством В. А. Залгаллера проходили живо, очень интересно и оставили в моей памяти самые лучшие впечатления.

К обязанностям старосты геометрического семинара А. Д. Александрова В. А. Залгаллер относился в высшей степени неформально. Расскажу только один момент, который всегда производил на меня большое впечатление. Не все докладчики, выступавшие на этом семинаре, умели хорошо рассказывать о своей работе. Нередко возникала ситуация, когда, начиная с какого-то момента, аудитория переставала понимать докладчика. Но находился один человек, который не терял нить рассказа до самого конца, — это был Виктор Абрамович Залгаллер. После окончания доклада он за пять минут объяснял аудитории, что именно рассказывал докладчик и каким образом получен основной результат доклада.

Виктор Абрамович участвовал в Великой Отечественной войне. Он был на передовой, защищая Ленинград от фашистских войск, и дошел до Берлина. Виктор Абрамович Залгаллер был и остается человеком очень

¹ Данный текст воспроизводит часть статьи: Ю. Г. Решетняк.

Воспоминания о нашем учителе: Александр Данилович Александров и его геометрическая школа. В книге: *Г. М. Идлис (составитель). Академик Александр Данилович Александров. Воспоминания. Публикации. Материалы. М.: Наука, 2002.*

«...ИЗ ПРОШЛОГО...»

В. А. Залгаллер. 1980

**иллюстрированная справка о домах по Фонтанке № № 27 и 25,
о причинах, по которым эти дома находятся на учете охраняемых
памятников, и о прошлом ЛОМИ**

«...ИЗ ПРОШЛОГО...»

Дом 27 в 1785–1911 гг.

В начале второй половины XVIII века берег Фонтанки от Аничкова моста к Летнему саду еще не был застроен. На месте улицы Караванной шла дорога к Летнему дворцу Елизаветы. Эта дорога видна на плане 1754 г. и на более

поздней гравюре. За дорогой до Садовой улицы шли сады с мелкими постройками. Потом их сменил квартал каменных одноэтажных домов.

Участки для застройки берега Фонтанки нарезались в 1780-е годы узкими полосами от этой дороги к реке. Первым был построен дом, ныне 27, в котором сейчас размещается ЛОМИ. В ходе застройки Фонтанка, в отличие от других рек и каналов города, сужалась.

Дом 27 построен в 1785–1788 гг. купцом Г. С. Зиминым. Положение богача не-дворянина определило характер постройки: скромный фасад, доходные флигели и весьма представительная квартира второго этажа. (Владелец был одним из двух бургомистров в магистрате и мечтал быть избранным главой городского купечества.) Существует предположение, что проект дома принадлежал Кваренги.

Об эпохе, владельце и съемщиках напоминают объявления тех лет:

«Молодых лет парикмахер женский и мужской да винокур, выкуривающий из двух с половиною четвертей хлеба от 14 до 16 ведер вина, продаются за умеренные цены. А спросить об них у Аничкова мосту, подле гауптвахты, в доме Зимины...» (1, стр. 74).

«Немка, пожилых лет, желает вступить в господский дом для хождения за детьми или смотрения за домом. О ней спросить в Садовой улице близь Аничкова моста, дом Зимины...» (1, стр. 75).

«Через сие извещается господин генерал-майор П. И. П., отставной поручик Ф. Г. и вдова купеческая жена Татьяна Михайловна Пастухова, чтоб они заложенные ими весьма давно разные вещи в Зиминовом доме под № 13, что у Аничкова мосту, в течение 6 недель выкупили...» (1, стр. 78).

В подвале со стороны Фонтанки была «полпивная с пивом и портером на английский манер». Следы хода в нее еще видны на тротуаре. В 1970-е годы там был тир.

Во флигеле со стороны Караванной улицы — трактир «Город Амстердам», позже кафе «Каноникус». В зале дворового флигеля была аукционная камера, сменившая ссудную кассу.

Квартиру второго этажа после смерти Зимины снимали у его вдовы знатные лица. Среди них в 1810 г. — граф Л. А. Нарышкин (1785–1846), обер шталмейстер, в 1824 г. уже в отставке — одесский знакомый Пушкина. Затем граф В. В. Мусин-Пушкин-Брюс (1773–1836), обер-шенк, камергер, глава русских масонов.

В 1814 г. дом купил граф Д. А. Гурьев для своей дочери, жены графа К. В. Нессельроде (1780–1862), многолетнего министра иностранных дел,

а с 1814 г. — канцлера эпохи николаевской реакции. Д. А. Гурьев (1757–1825) в 1810-х годах — помощник Сперанского, министр финансов (в частности в период Отечественной войны 1812 г.). Он пытался противиться Аракчееву, в связи с чем в 1823 г. был снят с поста министра. «У меня один только остался злодей Гурьев, но и тот, слава Богу, поддыхает» — сказал как-то Аракчеев (1, стр. 89). Известен Д. А. Гурьев изобретением «гурьевской каши», да царским сервизом, который был изготовлен по его заказу и хранится ныне в Петродворце.

В 1825 г. в квартире второго этажа жил посол Австрии Л. Лебцельтерн, женатый на сестре жены декабриста С. П. Трубецкого. Здесь после декабрьских событий министр К. В. Нессельроде арестовал С. П. Трубецкого.

С 1860-х годов домом владела княжна Любомирская. В 1880-х, 1890-х годах владелицей здания стала княжна (позднее княгиня) М. А. Шаховская.

Граф Дмитрий Александрович Гурьев

Каша манная «Гурьевская» с орехами и фруктами. В горячее молоко всыпать 1/4 часть сахара, добавить щепотку соли, довести до кипения. Помешивая венчиком, всыпать манную крупу. Когда каша загустеет, убавить огонь и доварить кашу, помешивая в течение 15-20 мин. В горячую кашу (65-70°) добавить масло сливочное, яйца, взбитые с сахаром и ванильным порошком, и хорошо размешать. Половину каши разложить на смазанные маслом порционные сковородки или на одну большую, поверхность разровнять, сверху посыпать поджаренными измельченными орехами, покрыть их молочными пенками. Положить остальную кашу, поверхность разровнять, посыпать сахаром. Запечь в духовке до карамелизации сахара. При подаче сверху каши положить разогретые в сиропе консервированные фрукты, полить абрикосовым соусом и посыпать измельченными орехами.

УВЛЕЧЕНИЯ И ИНТЕРЕСЫ

Отличительной чертой Виктора Абрамовича было созвучие ума и сердца. Как пронзительно написал он об отце и погибших друзьях.

Светило математической науки, Виктор Абрамович был широко эрудированным, просвещенным любителем истории и литературы. Эта сторона его пытливого ума отражена в очерках «Из прошлого...» и «Мой лучший читатель». Его любовь к природе, интерес к стране увлекательно передан в описании походов «Бродячей компании».

Виктор Абрамович щедро одаривал родных, коллег, друзей своим оптимизмом, добротой, душевным теплом. Можно только поблагодарить судьбу за общение с таким привлекательным, талантливым и мудрым человеком.

В. А. Залгаллер

БРОДЯЧАЯ КОМПАНИЯ

Моя жена Майя была доцентом ЛИИЖТа и могла бесплатно раз в год ездить туда и обратно в любой город. В 1954 году она поехала в санаторий в Сочи. Таню с няней отправили в Лугу, где жил мой отец. А я поехал на реку Белая. Майя сказала, что в 1955 году поедет с Таней в Лугу. А мне, похвалившему плавание по реке, посоветовала пойти во дворец Труда, где регистрируют самостоятельные походы.

Там, у инструктора по туризму, я застал четырех человек. Это были Леша Глинка, Маша Лощинская, Ира Мелкова и Юра Сорока, готовившиеся к походу по реке Керженец. Сказав, что я — математик, работаю в ЛОМИ, спросил: не могут ли они взять меня с собой. Весной они

позвонили и сказали, что я могу к ним присоединиться. Так я обрел замечательных друзей на долгий период жизни. Они стали друзьями для Майи и Тани.

Готовились к отъезду у Леша. У него была машинка «Зингер», прекрасно шившая и тонкие, и толстые материалы. Всем сделали из детской клеенки непромокаемые вкладыши в рюкзаки. Груза было по-экспедиционному много. Но Леша жил тогда рядом с вокзалом.

Река Керженец течет с севера на юг среди густой малонаселенной завожской тайги, которую пересекает идущая из Горького далеко на северо-восток железная дорога с единственной станцией Семёнов. В этих лесах нам предстояло пройти по реке чуть более 100 км до ее впадения в Волгу. Приехали в Горький, посмотрели этот красивый город и местным поездом перебрались в Семёнов.

Первые ночевки в палатках и еда у костров. Юра, Леша и Олег отправляются на разведку о приобретении досок. Несколько дней дружно строителям лодки. Не по чертежам, а по памяти от советов инструкторов. С собой мы привезли только четыре уключины и длинный болт, скрепляющий две формообразующие доски бортов лодки с носовым столбиком. Даже винт с кольцом для носовой веревки нашелся на месте.

И в Путь. Первой трудностью были комары. Никто не ходил с короткими рукавами. На ночь «зашивали» входы палатки и свечкой убивали оставшихся в палатке комаров. На обед останавливались на открытых мысах, где ветер хоть частично сдувал комаров. Сезон был без дождей, но ночи

Майя. 1944 г.

Под аркой озерцо двухметровой ширины с ключевой водой, сбегаящей метров 50 в реку. На высоте двух метров в стене под аркой дыра, чуть шире метра. Она и есть вход в пещеру. Влезши, можно выпрямиться. Чуть пройдя, упираешься в мокрую стену, покрытую известковыми наплывами, по ней стекает вода. Ширина стены 4-5 м, а высота 2,5 м. На нее, намочнув, надо влезть. Для этого висит железный трос. Его укрепила милиция, проверяющая иногда, нет ли там бандитов. Затем — пологий подъем и два сухих зала, высокие, как соборы. На обозримую с фонариком высоту стены исписаны названиями городов и вузов, чьи студенты здесь побывали.

По реке впереди нас шла группа из пяти человек. У них было ружье — охотничья берданка самого малого 20-го калибра. Они вечно ссорились из-за того, что один хотел пойти «на охоту» берегом, остальные уплывали вперед, а он застревал у непроходимого берегом участка, и мы его подвозили. В итоге они продали мне свое ружье и пояс с патронами.

В 1957 году был поход на четырех двухместных байдарках по реке Медведице. На одном из привалов затеяли одиночные гонки на байдарках. Разогнавшись со всех сил, я налетел на крепкий короткий сук затонувшего в песке бревна. Он распорол байдарку более, чем на метр и перерубил алюминиевый шпангоут. Объявили дневку. Шпангоут намертво скрепили из автомобильной камеры, заменявшей обязательный в походе «спасательный круг», Лёша сумел после тщательной обработки поставить заплату-пластырь так, что байдарка не протекала.

В 1964 году плавали одной лодкой, тоже самодельной, по реке Неруссе. Встречались остатки дубового леса. Сухие, они дивно горят, а некоторые гнилушки светятся ночью, как светлячки. Там в мою сеть попала большая рыба.

Последний наш поход с Лешей был в 1967 году по системе Игналинских озер в Литве. Ехали тремя лодками, группой в несколько человек.

И вот теперь всех этих моих друзей нет. Они ушли из жизни, много сделав. Не говори с тоской — их нет, а с благодарностью — были.

Из воспоминаний. 2010 год

Нонна Глинка

МОЙ ЛУЧШИЙ ЧИТАТЕЛЬ

После отъезда Виктора Абрамовича в Израиль я всегда посылала написанные мною книги серии «Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии» по мере выхода томов по районам. Это не детективы, а справочники, хотя и беллетризованные. Но Виктор Абрамович читал их от корки до корки. И это единственный случай. Что меня поражало — это внимательность его прочтения, о чем говорили его замечания. А они были о каждой книжке.

«Лужский район» вышел в 2001 году. Мне, конечно, приятно было прочитать:

— Нонна, Вы написали замечательную книгу. Убежден, что она понравится очень многим. Сам я буквально провалился в нее, начал читать. И меня отрывали силой идти есть и заниматься тому подобной мелочью. И я спешил вернуться к ней. В итоге — прочел за два дня».

Но главное — комментарии и вопросы, которые говорят о разностороннем интересе ученого-математика. Приведу лишь некоторые:

Стр. 21. — «Здесь мелькнула фамилия Скобельцын. В 1937–1940 гг. со мной вместе учился Глеб Скобельцын — средний из трех сыновей академика (физика-атомщика) Скобельцына. Глеб болел туберкулезом и умер в блокаду. А его младший брат Борис был «художник от Бога», учился на архитектурном факультете в ЛИСИ. Когда он получил повторную двойку по математике, то администрация сделала специальную выставку его рисунков и пригласила профессора Натансона смотреть лучшего рисовальщика института, чтобы Натансон поставил ему 3 по математике. После войны я даже раз ходил с Борисом на охоту. А потом — до конца жизни Борис Скобельцын был реставратором церкви (живопись, иконы, фрески) и жил в Пскове. Какое отношение

ПАМЯТИ ВИКТОРА АБРАМОВИЧА ЗАЛГАЛЛЕРА

Второго октября 2020 года умер Виктор Абрамович, не дожив чуть меньше трёх месяцев до своего 100-летнего юбилея. Я начал писать этот текст к его 100-летию юбилею, когда он ещё был жив. Теперь получилось «Памяти...». Последнее время здоровье у него сильно пошатнулось, и скорый конец был предсказуем. Но мне всё равно очень грустно.

Я хочу процитировать Диму Фомина: «Такое ощущение, что закончилась некоторая эпоха. Конечно, они (эпохи) все у нас разные. Но для меня — он был последним представителем поколения, которое училось на матмехе еще до войны и вынесло из тех лет и впечатления от старых довоенных традиций и от войны, и всё, что ими было накоплено за последующие годы в СССР. Очень своеобразное и интереснейшее сочетание.»

Я буду сокращать его имя как В. А., мне помнится, так всегда в письмах делал мой отец. Хотя, когда я был пузатым детёнышем дошкольного возраста, я обращался к В. А. «дядя Витя», в университетские годы — Виктор Абрамович, по крайней мере прилюдно, а потом уже снова Виктор или Витя, только без «дядя». А В. А. всю жизнь ко мне — Димочка, почему-то уменьшительное, и всю жизнь на «ты», даже при студентах. И когда я был молодым и задорным, и когда я стал угрюмым бородатым профессором с большими жесткими глазами. Видимо, он всё равно видел во мне того ребёнка, с которым играл в детстве, а потом рассказывал ему кучу историй на веранде на даче, читал стихи, с которым рубил и носил сухостой. Я вернусь к этому.

В. А. был очень сильным, ярким, оригинальным математиком. Учёным, очень разнообразным, и в «чистой», и в прикладной математике. Достаточно упомянуть его классические результаты в выпуклой геометрии,

в теории александровских двумерных многообразий ограниченной кривизны, трехмерных римановых многообразий с краем и многое другое; в теории оптимизации, включая раскрой материалов и оптимальные упаковки, оптимальное использование ресурсов (совместно с Л. В. Канторовичем). Я надеюсь, что кто-то напишет про математику В. А., и не один человек: мало кто ориентируется и в геометрической части деятельности В. А., и в прикладной. Я же буду писать о В. А. как о человеке, исключительно по своим воспоминаниям и рассказам отца, некоторые из которых тот сам слегка подзабыл (сколько времени прошло!), через туман времени и с особенностями моего восприятия.

У нас были соседние дачи, забора не было, пока мы не завели собаку, которая топтала Танины грядки и ела клубнику и прочие ягоды (под «мы» я имею ввиду отца, ныне покойную маму, моего брата, и меня). В. А., кстати, с собакой был в очень хороших отношениях, а был у нас здоровенный чёрный терьер. Забор был из крупной сетки, только от собаки. И два участка воспринимались как один, у нас был общий колодец, сперва даже общий душ с водогреем на дровах; не помню, кажется потом В. А. построил второй. При каждой даче был туалет на улице, и если один был занят, можно было пойти в другой. Конечно, В. А. мог сходить и «в кусты», за участком был лес, и что? — В. А. прошел всю войну, а там туалет был роскошью. Разумеется, в нашу дачу В. А. входил без стука. Замечу, что В. А. и комнату в ЛОМИ делил с моим отцом.

У В. А. было великолепное чувство юмора. Когда дача ещё только строилась, но уже был сарай, когда мои родители туда приехали, то увидели, что В. А. краской крупными буквами написал на сарае «Буражатник». В хорошую погоду В. А. ходил в просторных семейных трусах (в «попыхах»). Я помню, мы валили сухостой, пилили его и носили брёвна. Я шёл сзади, мы шли по кочкам, мху, я смотрел на широкую потную спину В. А., не удержался и сказал: «Али баба али сорок разбойников». В. А. расхохотался так, что чуть не уронил бревно, я даже перепугался, с трудом бревно удержал. Мы положили бревно, сели на него, и В. А. ещё долго смеялся.

ключи какому-то генералу. Я не точно помню подробности. Но В. А. говорил, что в то жесткое Сталинское время комиссаров и беспредела, если бы он принял ключи, ему долго не жить.

Опять же в конце войны, В. А. предложили следующее воинское звание. В. А. отказался. Он понимал, что тогда его оставят служить после войны ещё минимум на год, а В. А. хотел поскорее вернуться в университет.

О другом. Девять лет назад мы с отцом ездили в Израиль. У меня там было выступление, совместное с Диной Рубиной, памяти девушки, которую я любил и которая погибла весной того года. Мой отец на выступление попасть не смог: у Васьки, внука В. А., освободилось время, и он повёз отца повидаться с В. А. С тех пор они больше не встречались. Моя переписка с В. А. прекратилась лет пять тому: увы, насколько я знаю, дальше он уже не подходил к компьютеру. Что поделать, ему было почти сто лет. Но все, кто его хорошо знали, очень его любили. Светлая ему память!

Д. Ю. Бураго

ОБ АВТОРАХ И СОСТАВИТЕЛЯХ

Дмитрий Юрьевич Бураго — кандидат физ.-мат. наук, профессор университета штата Пенсильвания

Юрий Дмитриевич Бураго — доктор физ.-мат. наук, многолетний сотрудник ЛОМИ – ПОМИ РАН

Алексей Леонидович Вернер — доктор физ.-мат. наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Анатолий Моисеевич Вершик — доктор физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник ЛОМИ – ПОМИ РАН

Александр Антонович Корбут (1934–2004) — кандидат физ.-мат. наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Экономико-математического института РАН

Андрей Александрович Лодкин — кандидат физ.-мат. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Нонна Васильевна Глинка — кандидат искусствоведения, автор книг об усадьбах Санкт-Петербургской губернии (литературный псевдоним Мурашова)

Юрий Григорьевич Решетняк — академик РАН, доктор физ.-мат. наук, профессор Новосибирского государственного университета

Иосиф Владимирович Романовский (1935–2021) — доктор физ.-мат. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
ВОЙНА	6
Предисловие к первому и второму изданиям. <i>А. Вершик</i>	6
Быт войны. <i>В. Залгаллер</i>	8
Часть 1. В ополчении	8
Часть 2. В обороне	25
Часть 3. В госпитале	52
Часть 4. В наступлении	54
Часть 5. Первые дни среди немцев без боев	75
Погибали лучшие. <i>В. Залгаллер</i>	76
СЕМЬЯ И ДРУЗЬЯ	98
Мой отец (16 лет в Ухтпечлаге). <i>В. Залгаллер</i>	98
Дело Мурманторга. <i>Т. Шабад</i>	104
В. А. ЗАЛГАЛЛЕР О КОЛЛЕГАХ	113
Воспоминания о матмехе и о ЛОМИ	113
Из прощального выступления в Петербурге	137
Человек долга, достоинства и мудрости Жизненный путь И. П. Натансона	144
О замечательном человеке — Леониде Витальевиче Канторовиче (1912–1986)	160
Александр Данилович Александров как математик	173
Воспоминания об А. Д. Александрове и его ленинградском геометрическом семинаре (1945–1963 гг.)	183
КОЛЛЕГИ О В. А. ЗАЛГАЛЛЕРЕ	211
О Викторе Абрамовиче Залгаллере. <i>А. Вершик</i>	211
Быт и работа ленинградских геометров в послевоенные годы (К столетию Виктора Абрамовича Залгаллера). <i>А. Вернер</i>	213
В. А. Залгаллер и его геометрия. <i>Ю. Бураго</i>	223
Об учениках Александра Даниловича Александрова в Ленинграде и из других городов. Искорки памяти. <i>Ю. Решетняк</i>	233
История с винтовыми насосами. <i>Ю. Решетняк</i>	235
О книге Л. В. Канторовича и В. А. Залгаллера «Рациональный раскрой промышленных материалов». <i>А. Корбут, И. Романовский</i>	237
«... ИЗ ПРОШЛОГО ...» иллюстрированная справка о домах по Фонтанке № № 27 и 25, о причинах, по которым эти дома находятся на учете охраняемых памятников, и о прошлом ЛОМИ. <i>В. Залгаллер</i>	244
Комментарии к справке о зданиях на Фонтанке <i>Письмо В. А. Залгаллера Н. Е. Мнёву</i>	321
УВЛЕЧЕНИЯ И ИНТЕРЕСЫ	326
Бродячая компания. <i>В. Залгаллер</i>	326
Мой лучший читатель. <i>Н. Глинка</i>	331
Памяти Виктора Абрамовича Залгаллера. <i>Д. Бураго</i>	334
Об авторах и составителях	341

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

ВИКТОР ЗАЛГАЛЛЕР
ВОЙНА И МИР
ЛЕНИНГРАДСКОГО
МАТЕМАТИКА

Памяти учёного

Ответственный редактор — А. А. Лодкин
Художественный редактор — Ю. Черемская
Технический редактор — А. Лукоянов
Корректор — И. Горденчук

Издательство «АВРОРА»
194044, г. Санкт-Петербург,
наб. реки Фонтанки, 32/1
e-mail: aurora_russia@list.ru
www.aurora-publishers.ru

Подписано в печать 12.02.2021
Формат 72x104 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Объем 21,5 усл. п. л.
Бумага офсетная. Заказ № С-036.
Отпечатано в ООО «Мастер-Студия»

ISBN 978-5-7300-1037-6